

УДК 801

Медведев В.Б.

Московский институт инженеров транспорта

ЧЕТВЁРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В СЕМАНТИКЕ

V. Medvedev

Moscow State University of Railway Engineering

THE FOURTH DIMENSION IN SEMANTICS

Аннотация. Статья посвящена исследованию микро-значений лексических единиц, меньших, чем значения и коннотации, но релевантных для понимания всего текста. Изучение лексических элементов проводилось на материале отдельных сегментов исторического романа немецкоязычного писателя Л. Фейхтвангера «Еврей Зюсс», в котором передача этнического колорита исходного текста оказалась осложнённой ввиду принадлежности автора двум языковым культурам. Использование контрастивного метода позволило выделить в сходных по внешней форме элементах искомые микросмыслы.

Ключевые слова: микросмысл, перевод, двуязычие, этнический, коннотация, значение.

Abstract. The article analyzes microsenses in the lexical units lesser than meanings and connotations, but relevant for the understanding of the whole text. The lexical elements were studied on the material of the separated segments of historical novel "Jew Süß", written by German writer L. Feuchtwanger, in which conveyance of ethnic colour in the original discourse was complicated as the author belonged to two lingual cultures. Usage of contrastive approach allowed revealing micro senses in the similar outer form of semantic elements.

Key words: microsense, translation, bilingualism, ethnic, connotation, meaning.

Компонентный анализ лексических единиц нередко демонстрирует кажущуюся незавершенность семантической препарации внутренней формы, оставляя осадок некоей невысказанности и незавершённости передачи смысла. В какой-то мере данное утверждение сопоставимо с изобразительными методами, используемыми в живописи средневековья. Как известно, иконописцы той далёкой эпохи решали задачу изображения в одном пространстве двух миров: реального и потустороннего путём обозначения границы миров различными красками, так что для изображенных на картине реальных людей мистические лица или их души присутствуют условно. Например, Дева Мария и окружающие её апостолы на известной картине Ф. Грека «Успение» изображены так, что взоры присутствующих обращены на усопшую, но не на фигуру Христа, помещённого на заднем плане с младенцем на руках, символизирующим душу Марии. Вполне очевидно, что никто из находящихся у ложа Марии не подозревает о присутствии здесь же богочеловека. В противном случае именно он стал бы центром всеобщего внимания. Академик Б.В. Раушенбах [4] назвал такую перспективу разделения видимого и мистического четвёртым измерением.

Наблюдается ли подобный эффект завуалированного присутствия дополнительных значений или их коннотаций и в содержании языковых элементов? Данная задача ставится в настоящей статье при анализе лексических единиц в историческом романе немецкоязычного писателя Л. Фейхтвангера «Еврей Зюсс» («Jud Süß») [9]. Привлекательность работы с данным произведением заключается в возможности проведения контрастивного анализа языковых элементов, принадлежащих одновременно двум лингвистическим системам: немецкого и языка идиш, что, предположительно, могло бы обеспечить обнаружение в них искомым смыслов.

Так, слово “Mensch” (‘человек’), формально связанное с немецким “Mensch”, обнаруживает в идиш ряд важных дополнительных значений (‘служаший’, ‘надёжный, зрелый человек’), которые теряются, если исходить только из немецкого оригинала внешней формы этого слова [1].

В следующих предложениях наблюдается обратная интерференция идиш на немецкий язык, где слово Mensch употребляется в идишском значении ‘доверенное лицо’; ср.:

– Er hatte den fetten, gleichmütigen, langsamen und unermüdblichen Burschen immer gut gehalten, wie man eben einen so ungewöhnlich verwendbaren und zuverlässigen Menschen hält. Aber dass dieser Mensch ausser seiner Verwendbarkeit und Zuverlässigkeit auch noch andere Eigenschaften hatte, ... dies durchzuspüren, nahm sich Süß jetzt zum erstenmal die Mühe [9, с. 289];

– Ihr braucht nur Euern jungen Menschen zu schicken, den Pfäffle [9, с. 38].

Этот микросмысл не играет заметной роли в интерпретации отдельно взятого высказывания, но представляется значимым в этническом оформлении поэтического мира целого произведения.

Идишский аналог глагола “machn” немецкого „machen“ означает, в первую очередь, “ausgesprochen werden: macht er – sagt er, machn broche – “einen Segensspruch sprechen” [13, с. 411], что коренным образом отличает его от немецкого глагола. В этой связи Е. Тимм выводит своеобразную метаязыковую формулу: macht X “sagt X”. z.B.so macht rebi Selomo [14, с. 411].

Автор «Еврея Зюсса» также невольно в определённых случаях переходит на подобный репрезентативный межъязыковой стереотип, образовавшийся в немецком не без влияния идиш: “Vos macht Ihr far majsses?»; ср.: Was macht Ihr für ... grosse Geschichten? [9, с. 106].

Таким образом, в качестве дополнительного значения в глаголе “machen” выступают “sagen” и “erzählen”. Эти микрочастицы содержания не представляют собой контекстуально обусловленные коннотации, но выступают

как микросмыслы, неоднократно используемые писателем под влиянием родного языка.

В некоторых случаях контрастивный анализ языковых единиц может быть дополнен интерпретационным методом. К примеру, такое неброское словосочетание, как “das gesegnete Land”, оказывается на поверку библейским устойчивым выражением. В Ветхом Завете данное словосочетание встречается в следующем окружении: “Das Land Uz lag südöstlich des Toten Meeres und umfaßte u.a. das Gebiet ...Gott gesegnet haben” [8, S. 1, 11; 8, S. 2, 5, 9].

Библеизм “das gesegnete Land” в той или иной интерпретации был распространён в германоязычном пространстве во времена написания Л. Фейхтвангером романа «Еврей Зюсс». Если в гимне Первой Республики „Renner-Kienzl-Hymne“ на музыку Гайдна (1920 г.), ставшем в 1922 г. официальным национальным гимном Германии, использовалось словосочетание “Deutschösterreich, du herrliches Land”, то во втором гимне (1929 г.) уже содержались библейские строки: „Sei gesegnet ohne Ende ...“.

Возможно, эта популярность ветхозаветного выражения или более раннее использование библеизма М. Циммерманном способствовали детерминации его появления в историческом романе Л.Фейхтвангера; ср.:

– Das Würtemberger Land war ein von der Natur hochgesegnetes Land ... [11, с. 3];

– « ... Sonne kam und Regen kam, Weizen wuchs, gesegnet lag das Land.... Und Sonne kam, Regen kam. Weizen wuchs, Obst, Wein. Das Land lag gesegnet» [9, с. 90].

Данный пример свидетельствует о способности микросмыслов перемещаться из одного текста в другой, открываясь лишь лингвисту-исследователю.

Проблематичным представляется сохранение микросмыслов лексических единиц в переводческих трансформациях. Например, рассуждения по поводу корректности перевода слова “Jahve” на русский язык следует сопроводить комментарием из «Атеистического словаря»: «ЯХВЕ, Ягве – имя др.-евр. бога, фигурирующее в Ветхом завете. ... В литера-

туре вплоть до 19 в. встречается неправильная транскрипция – Иегова» [2].

Другой лексикографический источник – “Langenscheidts Grosswörterbuch” также приводит в качестве соответствия немецкому “Jahve” русское «Яхве» [12]. Кстати, данный лексический элемент встречается в переводах других произведений Л. Фейхтвангера именно в написании «Яхве», например, в «Иудейской войне». А теперь проанализируем переводы этого слова в различных интерпретациях и переводческих традициях; ср.:

Л. Фейхтвангер

– Aber auf hundert Umwegen mündeten alle Gebete immer wieder in den wilden, gellenden Chor des Bekenntnisses: „Eins und einzig ist Adonai Elohim, eins und einzig ist der Gott Israels, das Seiende, Überwirkliche, *Jahve*“ [9, с. 232–233].

Перевод В. Вальдман:

– Но все молитвы вновь и вновь сливались в общий дикий, пронзительный вопль, вырывающийся хором из сотен грудей: «Един и всемогущ *господь бог* наш, вездесущий, предвечный *Иегова!*» [5, с. 169].

Перевод Н. Касаткиной:

– Но через тысячи окольных путей все молитвы вновь и вновь сливались в один неистовый, пронзительный хор: «Един же велик Адонаи Элохим, един же велик Бог Израиля, всевидящий, предвечный *Иегова*» [6, с. 249].

Таким образом, транслитерация этого слова, предложенная в русских переводах романа “Jud Süß”, является не вполне корректной, ибо сопряжена с утратой этнического смысла исходной лексической единицы. Помимо этого, В. Вальдман неоправданно предпочла произвести межъязыковую трансформацию с древнееврейского обращения к Богу “Adonai Elohim” на русское, что соответствует содержанию оригинала, но не его форме.

По силе своей выразительности и значимости в высказывании эти мельчайшие смысловые частицы способны конкурировать и с основным значением языкового элемента. Например, слово “Jude” служит в немецком языке нормативным обозначением человека иудейского вероисповедания, что и засви-

детельствовано на страницах исторического романа Л. Фейхтвангера “Jud Süß” и в переводе Н. Касаткиной; ср.:

Л. Фейхтвангер

– Aber wart nur, *Herr Jud!* Jetzt wird’s man dir heimzalen [9, с. 214].

Перевод Н. Касаткиной

– Ну, подожди-ка, *господин еврей!* Теперь тебе отомстят [6, с. 229].

Однако содержание того же самого существительного без конечного (-e) требует некоторых пояснений. С одной стороны, в немецком языке это слово относится к разряду пейоративных и, будучи адресовано представителю этнического меньшинства Германии, звучит уничижительно, что получило соответствующее отражение в переводе; ср.:

Л. Фейхтвангер

– Hätte der adelsstolze Herr erfahren, dass der verforfene *Jud* und Lump den Heydersdorf zum Vater hatte, den Feldmarschall und Baron, seine ganze Welt wäre zusammengestürzt [9, с. 413].

Перевод Н. Касаткиной:

– Узнай этот кичливый аристократ, что отверженный *жид* и проходимец – сын Гейдерсдорфа, фельдмаршала и барона, – весь внутренний мир его рухнул бы [9, с. 439].

Более того, в некоторых сегментах текста данное слово представляется оппозицией: “Jude” – “Mensch”; ср.:

– Seine hemmungslose Ergebenheit schmeichelte ihr. “Er ist ganz wie *ein Mensch*”, sagte sie verwundert zu ihrem Vater. Karl Alexander gewann bei ihr durch seinen netten, galanten *Hof- und Leibjuden*. “Nein, was Euer Liebden für einen amüsanten *Hofjuden* haben!” [9, с. 81].

На первый взгляд, Л. Фейхтвангер уже самим названием задаёт всему произведению юдофобский тон: „Jud Süß“ stellt den Schimpfnamen für Joseph Süß Oppenheimer dar” [8, с. 1].

С другой стороны, подобное утверждение может показаться не вполне корректным, поскольку лица, принадлежащие к названной этнической группе, употребляют в романе данную лексическую единицу в той же самой форме – “Jud”, что никак не может быть истолковано оскорбительно, в том числе и в переводе; ср.:

Л. Фейхтвангер

1. “Es ist nicht gut, wenn sich ein *Jud* hinstellt, wo ihn alle sehen. Lasst Euch sagen von einem alten Geschäftsmann, ein *Jud* stellt sich besser in den Schatten”... [9, с. 106].

2. “Ein Menschenleben retten, einen *Juden* retten, der nichts getan hat, nur dass er *Jud* ist, nicht opportun!” [9, с. 252]

Перевод Н. Касаткиной:

1. Послушайте старого дельца, *еврею* лучше всего держаться в тени [6, с. 112].

2. Спасти человеческую жизнь, спасти *еврея*, повинного единственно в том, что он *еврей*, – неместно! [6, с. 270].

За разъяснением обратимся к этническому языку Л. Фейхтвангера. Существительное “jid” в идиш, являющееся эквивалентом немецкого “Jude”, отличается от последнего полисемией, обозначая также “Mensch, Mann”. Так, в идиш допустимы такие предложения: Amol iz gekumen a yid fun a yor zibetsik tsum rov ‘once a *guy* of about 70 came to the rabbi’ [10, с. 414]; Der *yid* zehet, wie nokh dem oyrekhn shlept zikh nokh a youngerman ‘the *guy* sees how behind the guest another young man has tagged along’ [10, с. 416]; ejner a *jid* a melamed vun varse – one *guy* – a teacher from Warsaw [10, с. 244].

А в вопросительном предложении “Funwanen kumt a *jid*?”, трансформировавшемся в немецком варианте в “Woher kommen Sie?”, существительное “jid” является частью вежливого обращения, равно как и в словосочетании “Reb jid” – соответствием немецкому “Herr” [11, с. 97].

Отчасти это вопросительное предложение без слова “jid” эквивалентно обращению к собеседнику на «ты», а фраза «откуда ты идёшь» в следующем отрывке воспринимается как транслитерированная калька с идиш (“Funwanen kumt a *jid*”) «Кто ты, откуда ты идёшь и чем ты дышишь?» [3, с. 128].

Из этого замечания следует допущение возможного использования Л. Фейхтвангером в каких-то случаях лексического элемента *Jud(e)*, в особенности без конечного «е», не в клерикальном понимании, но в значении “Mensch”, свойственном этническому языку

писателя. В нижеследующем предложении слово “*Jud*” используется именно в значении “Mann, Mensch” («человек, которого ищут»), а не только в целях указания религиозной принадлежности:

– Der Korporal sagte übellaunig: “Das ist doch der *Jud*, Frau” [9, с. 446].

А в предложении “Was braucht ein *Jud* einen Paragei?” [9, с. 435] подразумевается не столько адепт иудаизма, сколько человек в целом.

Таким образом, можно утверждать существование в немецком языке Л. Фейхтвангера омонимов искомого слова: “Jude” – нейтральная номинация лица – приверженца иудаизма и “Jud” – с одной стороны, в качестве уничижительного обозначения иудея, а с другой – слова с этнической составляющей в значении ‘Mensch (Mann)’.

Подобные случаи представляют для переводчика дилемму передачи немецкого значения данного слова или же его этнонима. Выбрав последнее, переводчик оставляет без внимания основное значение немецкой лексической единицы в угоду присутствующему в содержании слова идишскому созначению. Поэтому вполне объяснимо, что переводческая трансформация была сделана с сохранением приверженности немецкому содержанию слова.

Возвращаясь к названию исторического романа Л. Фейхтвангера “Jud Süß”, мы приходим к выводу о неизбежности его двоякой интерпретации. Помимо установившегося в немецкой традиции пейоративного обращения к главному персонажу произведения по его религиозной принадлежности “Jud”, автором одновременно путём использования той же самой лексической единицы утверждается величие и достоинство исторической личности Йозефа Зюсса Оппенгеймера. Именно здесь проходит водораздел между историческим романом Л. Фейхтвангера «Еврей Зюсс» и прочими одноимёнными произведениями. Пафосность исследуемого исторического романа состоит именно в отстаивании Л. Фейхтвангером за этническим меньшинством Германии социального равенства. Это идейное начало вынесено автором в название всего

исторического романа и является своеобразным лейтмотивом произведения, что неоднократно получает репрезентацию на его страницах.

Исследование подтвердило возможность вычленения в лексических единицах микро-смыслов, не уступающих по релевантности самостоятельным значениям языковых элементов. Эти микрочастицы содержания настолько минимальны, что не всегда осязаемы и по чёткости выражения уступают коннотациям. Наиболее рельефно данные микро-смыслы проступают при контрастивном анализе лексических единиц близкородственных языков на текстовом уровне. Фиксация подобных микрозначений способна не только расширить семантическую палитру слова, но и позволить по-новому взглянуть на содержание всего текста, обеспечивая полноту его восприятия ещё в одном неожиданном ракурсе измерения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аграновская М. Этот сладкий язык – маме лошн // Еврейская газета. – Берлин. 2004. – Январь.
2. Атеистический словарь // Абдусамедов А.И., Алейник Р.М., Алиева Б.А. и др. / Под общ. ред. М.П. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1986. – 512 с.
3. Бабель И. Сочинения. М.: Худ. литература, 1991. – Т. I. – 478 с.
4. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи. – М.: Наука, 1980. – 26,4 п. л.
5. Фейхтвангер Л. Еврей Зюсс // Пер. с немецкого В. Вальдман. – М.: Журнально-газетное объединение 1936 г. – 340 с.
6. Фейхтвангер Л. Еврей Зюсс // Перевод с немецкого Н. Касаткиной. – М.: Люкс, 2005. – 510 с.
7. Altes Testament, Hiob. – [Электронный ресурс]. – URL: www.bethesda-baptisten.de/bibel/alt_testament/hiob.html (дата обращения: 02.07.2012).
8. Bunke C. Rezension zu Hellmut G. Haasis: Joseph Süß Oppenheimer, genannt Jud Süß. Finanzier, Freidenker, Justizopfer. 1998. – Georg-August-Universität Göttingen, 2005. – 48 S.
9. Feuchtwanger L. Jud Süß. Roman. – Berlin und Weimar: Aufbau Vlg., 1991. – 474 S.
10. Jacobs Neil G. Yiddish: a linguistic Introduction. – Cambridge Univ. Press, 2005. – 323 p.
11. Joseph Süß Oppenheimer ein Finanzmann des 18. Jahrhunderts. Ein Stück Absolutismus- und Jesuitengeschichte. Nach den Verteidigungsakten und den Schriften des Zeitgenossen bearbeitet von Manfred Zimmermann. – Stuttgart: Rieger'sche Verlagsbuchhandlung, 1874. – 140 S.
12. Langenscheidts Grosswörterbuch, Akademie Vlg. – Berlin, 1997.
13. Löttsch R. Jiddisches Wörterbuch. – Bibliographisches Institut, Leipzig, 1990. – 200 S.
14. Timm E. Historische jiddische Semantik. – Tübingen: Max Niemeyer Vlg., 2005. – 732 S.